

Переходя теперь густолиственный хребет Апеннина, обыщем по следам левую Италию, начиная, как обычно, с востока. Итак, вступая в Романью, мы заявляем, что нашли в Италии два наречия, отъединенных одно от другого соответствующими противоположностями. Одно из них звучит настолько женственно из-за мягкости выговора, что, даже если говорит мужским голосом мужчина, кажется все-таки, что говорит женщина. Оно присуще всем романьольцам, и в особенности форлийцам; их город, при всей своей молодости, является, однако, средоточием всей провинции; они при утверждении говорят «*deusm*» и ласково произносят «*oclo meo*» («глазок мой») и «*corada mea*» («сердечко мое»). Мы слышали, как некоторые из них отклонились в стихах от собственного наречия: это фазантинцы Томмазо и Уголино Буччола. Имеется, как сказано, и другое наречие, настолько по словам и ударениям лохматое и косматое, что из-за своей грубой резкости не отличает говорящую на нем женщину, но ты заподозришь, читатель, что это говорит мужчина. Оно присуще всем говорящим «*magara*» («пожалуй»), а именно брешианцам, веронцам и винчентинцам, а равно и падуанцам, бесстыдно синкопирующим все причастия на «-tus» и существительные на «-tas», как «*merst*» и «*bontij*». С ними мы притягиваем к суду и тревизцев, которые, наподобие брешианцев и их соседей, при усечении слов произносят согласную «u» и как «f», например «*nof*» вместо «*novem*» и «*vif*» вместо «*vivus*»; это уж мы осуждаем как варваризм. А венецианцы даже и недостойны чести выслеживать у них народную речь; и, если бы кто из них, погрязши в заблуждении, еще бы и чванился, пусть он припомнит, не сказал ли он когда-нибудь: «*Per le plaghe de Dio, tu non venras*». Мы слышали, как единственный из них старается отклониться от материнского наречия и обратиться к правильной народной речи – это Ильдебрандин Падуанский. Поэтому, обсудив все сказанное в настоящей главе, мы не считаем ни романьольское, ни ему, как сказано, противоположное, ни венецианское наречие той блистательной народной речью, какую мы разыскиваем.

XV.

Попытаемся же бегло обследовать то, что остается от итальянского леса. Итак, мы говорим, что, пожалуй, не очень заблуждаются считающие болонцев говорящими красивейшей речью, так как они перенимают в свое собственное наречие кое-что от окружающих их имолийцев, феррарцев и моденцев; это же, мы предполагаем, делают и любые другие в отношении своих соседей, как показал Сорделло относительно своей Мантуи, соседней с Кремоной, Брешией и Вероной: он, будучи таким великим знатоком красноречия, не только в стихах, но и во всякого рода речи пренебрег отечественным наречием. И действительно, упомянутые граждане от имолийцев берут мягкость и нежность, а от феррарцев и моденцев некоторую гортанность, свойственную ломбардцам, которая, мы уверены, осталась у тамошних уроженцев от смешения с пришлыми лангобардами. И по этой причине среди феррарцев, моденцев и реджийцев мы не находим ни одного стихотворца; ибо по привычке к своей гортанности они никак не могут усвоить придворную народную речь, не придавая ей некоторой жесткости. Еще в большей мере это должно относиться к пармийцам, говорящим «*monto*» вместо «*multo*».

Следовательно, если болонцы берут, как сказано, и оттуда и отсюда, разумно полагать, что их речь путем смешения противоположностей, как упомянуто, остается уравновешенной до похвальной приятности; это, по нашему суждению, несомненно, так и есть. Поэтому, если ставящие их выше по народной речи имеют в виду при таком сравнении только городские говоры итальянцев, мы охотно с ними соглашаемся; если же они считают болонскую народную речь предпочтительной безусловно, мы с ними расходимся и не согласны. Ведь она не та, что мы называем придворной и блистательной; потому что, если она была бы таковой, ни великий Гвидо Гвиницелли, ни Гвидо Гизильери, ни Фабруццо, ни Онесто, ни другие стихотворцы Болоньи не отклонялись бы от собственного наречия; а они были блестящими мастерами и отлично разбирались в народной речи. Великий Гвидо: «*Madonna, lo fino amor c'a vui porto...*»; Гвидо Гизильери: «*Donna, lo fermo core*»; Фабруццо: «*Lo meo lontano gire*»; Онесто: «*Piu non attendo il tuo secorso, Amore*». Ведь эти слова совершенно отличны от слов болонских горожан.

И потому, что ни у кого, мы полагаем, нет сомнений относительно прочих окраинных городов Италии (а того, у кого они могут быть, мы не считаем достойным никакого нашего разъяснения), нам остается обсудить немногое. Поэтому, желая отложить наше сито, чтобы поскорее